

ФАБРИКА ГРЕЗ

Понять Тарковского в коротком метре

Владимир Захаренко.

В пятом павильоне «Ленфильма» работают будущие режиссеры и художники — студенты СПбГУ КиТ из мастерской мэтра отечественного кинематографа, народного артиста России Сергея Снежкина. Они выполняют одно из заданий своего наставника: снимают собственную короткометражку. Режиссером выступает один из студентов — Владимир Захаренко. С ним мы побеседовали о проекте.

ХОТЬ КАРТИНА И УЧЕБНАЯ, в ней все настоящему. В павильоне построена деревянная изба. Актеры облачены в древнерусские одежды. Декорации создал Дмитрий Татарников, работавший ассистентом художника на фильме «Контрибуция». Костюмы и реквизит предоставил «Ленфильм».

— Этот проект — задание Сергея Снежкина, — рассказывает Владимир Захаренко. — Мы должны снять короткий фильм в стиле Тарковского. Тут нет никакой пародии. Как в академиях живописи студенты в течение нескольких лет копируют полотна великих мастеров, так и кинематографисты, чтобы освоить профессию, начинают с подражания великим режиссерам. При этом наша задача не просто снять как-то, чтобы работа напоминала известные всем шедевры. Важно осмыслить художественные принципы и приемы монтажа, движения камеры, игру актеров. Нужно понять, почему режиссер снял именно так.

По времени фильм должен быть коротким — 4–5 минут. Помните сцену из фильма «Андрей Рублев»: к Андрею приходит посланник с известием о том, что Феофан зовет его расписывать храм в Москве? Андрей живет в Андрониковом монастыре, он формирующий мастер, у него уже есть подмастерья. И он должен принять непростое решение — по сути, все бросить и начать все заново. Сможет ли он справиться с новым сложным делом?

— Владимир, насколько такие задания помогают в будущей профессии?

— При всей кажущейся простоте подобных задач нередки случаи, когда, посмотрев снятый студентами материал, наставник говорит: «Не принято!» Значит, надо переписать. Искать, где допустил ошибку. Снова и снова погружаться в фильм, который взят за образец. На экране фальшь заметна сразу. Не случайно у великих мастеров, таких как Тарковский, чрезвычайно тщательно выверена драматургия. Каждая сцена, с одной стороны, самодостаточна, но вместе они создают единый живой организм фильма. И если ты начинаешь это чувствовать, постепенно раскрывается и вся магия кинодействия. Становится понятно, кто твои герои, в какое время и в какой обстановке они жили. Это очень важно для будущего режиссера. И какая радость, когда твой наставник наконец говорит: «Принято!»

— Сложно ли учиться у Сергея Снежкина?

— Многие студенты работали и на картинах самого Сергея Снежкина. Вы тоже? — Да, на его картине «Контрибуция» многие студенты прошли стажировку. И эта работа потребовала всего, чему мы успели научиться, и даже более того. Огромная была ответственность. Ошибка приводит к срыву всего процесса, а это труд десятков, иногда сотен людей. Подвести своего мастера — мы воспринимали это как предательство. Зато на «Контрибуции» нам повезло пройти настоящую школу. Сергей Олегович на съемочной площадке такой, каким и должен быть настоящий режиссер. На его проектах все только так,

ТАКОЕ ЗАДАНИЕ ПОЛУЧИЛИ УЧЕНИКИ РЕЖИССЕРА СЕРГЕЯ СНЕЖКИНА

Цель работы над фильмом — понять творческие устремления Андрея Тарковского.

Сергей Олегович — очень требовательный мастер. Он постоянно заставляет нас преодолевать прежде всего самих себя. Ведь много соблазнов идти по легкому пути. Несведущий человек скажет: а что такого? Построили декорацию, облачили актеров в костюмы, они произнесли свои монологи и диалоги. Все это сняли на камеру... Посмотрели — а кино нет! Куда же все делось? А это и есть главный вопрос. Никакие подсказки и заготовки, примечки и секретники тут на выручку не придут. Сергей Олегович всеми силами добивается воспитать в нас художников, которые через приобретенный опыт, ошибки и неудачи создают собственный мир.

— Многие студенты работали и на картинах самого Сергея Снежкина. Вы тоже? — Да, на его картине «Контрибуция» многие студенты прошли стажировку. И эта работа потребовала всего, чему мы успели научиться, и даже более того. Огромная была ответственность. Ошибка приводит к срыву всего процесса, а это труд десятков, иногда сотен людей. Подвести своего мастера — мы воспринимали это как предательство. Зато на «Контрибуции» нам повезло пройти настоящую школу. Сергей Олегович на съемочной площадке такой, каким и должен быть настоящий режиссер. На его проектах все только так,

как он задумал. На съемочной площадке может быть только один лидер. И если, не дай бог, режиссер не смог взять на себя это бремя, судьба будущего фильма становится неопределенной...

В съемках студенческой короткометражки принимает участие известный актер театра и кино, народный артист России Валерий Кухарешин. Что подвигло помочь начинающим кинематографистам? На этот вопрос ответил сам актер:

— Я работаю со студентами уже не в первый раз. Надо не только о себе думать, но и помогать другим. Я ведь тоже был студентом и помню, как мы принимали участие в постановках будущих режиссеров, и знаю, насколько это важно и нужно. Если у меня есть минутка, то я всегда иду навстречу. Естественно, многое зависит от того, что хочет снимать будущий режиссер, и от того, чего он хочет достичь своей работой. Владимир Захаренко — ученик Сергея Снежкина, которого я люблю и у которого неоднократно снимался. Материал короткометражки — замечательный. А еще раз вспомнить творчество Андрея Тарковского — по-моему, здорово.

Подготовил Артемий АГРАФЕНИН, фото предоставлены пресс-службой «Ленфильма»

ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

Кирилл ГОРДЕЕВ: Сейчас Онегин с Татьяной решили бы все одной эсэмэской

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ВП» ПОБЫВАЛИ НА ЗАКРЫТОЙ РЕПЕТИЦИИ НОВОГО МЮЗИКЛА

Как только заходишь в этот павильон на студии RWS, первым делом бросается в глаза вешалка (по Станиславскому прямо), на которую сверху нахлобучен огромный цилиндр. На плечики наброшен черный плащ не плащ, пальто не пальто... Что-то такое с серебряными пряжками и с тисненными узорами. В такое с удовольствием придется бы граф Дракула. А сейчас это будут носить герои Пушкина Александра Сергеевича.

Здесь, в павильоне, идет закрытая репетиция мюзикла «Онегин». Но нам все-таки удалось на нее попасть. Создатели — те же, кому мы обязаны недавним мюзиклом «Мастер и Маргарита». Так что Дракуло пальто — это, видимо, какое-то остаточное явление. В остальном же, как объяснили организаторы, костюмы будут «соответствующие эпохе, но с более яркими моментами». Еще ожидается трехмерная графика, двойная проекция и круглая вращающаяся сцена. Как в «Мастере», тут будут аромаэффекты: когда действие переместится, например, в деревню — в зале будет пахнуть скошенной травой и свежеспеченным хлебом. В общем, полный оживляж, амуры, черти, змеи.

ЕСЛИ ДИРИЖЕР УБЕДИТЕЛЕН, НЕВАЖНО, КАКОГО ОН ПОЛА

Премьера мюзикла состоится 1 октября. Сегодня впервые за время репетиций артисты поют сживым оркестром. И вот еще одно удивительное и прекрасное дополнение: дирижером выступает женщина, музыкальный руководитель Санкт-Петербургского ТЮЗа Александра ЧОПКИН. В перерыве она уделяет нам несколько минут и рассказывает, как трудилась над мюзиклом:

— В «Мастере и Маргарите» я выступала в качестве хормейстера и педагога по вокалу. В этом проекте я также работаю с вокалистами, но помимо этого добавилась и работа с оркестром.

— Все-таки пока женщина — дирижер симфонического оркестра — редкость. Как это получилось и как вам работаете?

— Честно говоря, это была моя очень давняя мечта. В России, особенно в Петербурге, в музыкальной среде очень консервативные взгляды. И мне казалось, что это будет неосуществимо. Но судьба как-то ведет — и потихоньку приводит к мечте. В ТЮЗе я также дирижер оркестра. И на проекте «Онегин» мы решили на такой отважный эксперимент, как женщина-дирижер. Это была идея продюсера Ирины Афанасьевой, которая, к моему счастью, не боится удивлять. А для музыкантов главное — чтобы дирижер был профессиональным и убедительным. И если ничто у них не вызывает сомнения — они подчиняются, неважно, какого пола дирижер.

— А как все это соотносится с Чайковским? — Тут есть связь. Вообще музыка к спектаклю написана замечательными композиторами Антоном Таноновым и Глебом Матвейчуком. А творение Петра Ильича используется только в качестве цитат.

— Нелепо, наверное, работать после двух гениев, Александра Сергеевича и Петра Ильича... — Да, очень трудно. Как сказал мне Антон Танонов, у него получался все время романс. Или попла. Очень трудно магический текст Пушкина переводить на язык мюзикла.

В музыке «Онегина» должны сойтись народное, старинное звучание — и риффы электрогитары.

Тут перерыв заканчивается, и мы получаем шанс лично увидеть то, что выходит.

На сцене, похоже, сам Онегин. Его играет Кирилл Гордеев, который в «Мастере и Маргарите» одно время служил Воландом, а в «Бале вампиров» — кровососом Гербертом. В общем, послушный список у артиста подхитит, чтоб получился

чужак печальный и опасный,

Создание ада иль небес,

Сей ангел, сей надменный бес...

Начинается. «Месье Онегин, к вам новая ученица. Науки страсти нежной...» — декламирует вкрадчивый и демонический голос лакея, уместно вставляя цитату из Пушкина. «Взгляд чарует мой юных дев. Недоступность ваша девственная мне смешна... Слабость новой жертвы выплю, как бокал вина!» — еще более демонично, от вкрадчивости к неистовству взвывает Онегин.

— Эмбрассе муа! — комментирует ученица по-французски.

— Коварство чувств, коварство фраз, коварство роз сокровит тайну ваших глаз... Могут ли наедине давать уроки в тишине. Я — бо! Коварства бог, — продолжает Онегин.

— Се манифик, мон дьё!

Чужих причуд истолкованье, Слов модных полный лексикон?..

Уж не пародия ли он? — опять всплывает в голове из седьмой главы.

«Онегин». Авторы музыки: Глеб Матвейчук и Антон Танонов. Авторы либретто: Ирина Афанасьева, Мария Ошмянская, Андрей Пастушенко. Хореограф — Дмитрий Пимонов. Музыкальный руководитель — Антон Танонов.

В основу мюзикла лег оригинальный текст романа, либретто к опере Чайковского, а также некоторые фрагменты, написанные современным поэтом Андреем Пастушенко специально для постановки.

КАК СДЕЛАТЬ ИЗ ЧЕЛОВЕКА ДЕМОНА, НО ОСТАВИТЬ ЕГО ЧЕЛОВЕКОМ?

Ко мне подходит и крепко жмет руку Кирилл ГОРДЕЕВ.

— Мы плотно репетируем с начала июня. В сентябре у нас будут репетиции уже на площадке Мюзик-холла. И 1 октября — премьеры. Каждый месяц будем играть «Онегина».

— Как бы вы объяснили, зачем сейчас понадобился новый сценический вариант «Онегина»? У нас уже вроде бы есть опера...

— Мир наш движется в сторону инноваций, в сторону развития — и искусство тоже. Сейчас в российской театры усиленно внедряется жанр мюзикла. В Европе и Америке этот жанр развит, он существует там более полвека. А для нас мюзикл — относительно молодое искусство. И необходимо экспериментировать, искать, каким может быть русский мюзикл. Понятно, что для него необходима хорошая литературная основа. И компания «Makers Lab», которая поставила уже «Мастера и Маргариту», а сейчас занимается «Онегиным», решила идти именно по произведениям русской литературы. Для любого театрального действия необходимо хорошее содержание. И если его где-то искать — наверное, правильнее не изобретать велосипед, а обратиться к русской классике.

На Западе ведь тоже ставят мюзиклы по литературным образцам — «Нотр-Дам де Пари», «Призрак Оперы».

— А вот такая история, как с «Онегиным»? Чтоб сначала по литературному первоисточнику была поставлена опера, а потом и мюзикл?

— Это тоже не прецедент. В Штатах есть мюзикл «Рент» по опере Пуччини «Богема» —

а Пуччини писал оперу по произведению Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы».

— Все-таки не получается ли, что вы предлагаете более простой для восприятия продукт и тем самым отвлекаете публику, например, от оперы?

— Сейчас заманить в театр на оперу молодежь, которая воспитана на современной музыке, на современном телевидении, достаточно тяжело. Двадцатилетний сегодня скажет, наверное: «Зачем я пойду на оперу, когда я могу почитать дома, посмотреть телевизор?» Мюзикл — это более современный жанр. Он ни в коем случае не ставит крест на опере. Все может сосуществовать вместе.

Мы можем приспособить мюзикл для русского зрителя.

— А по-вашему, как мюзикл соотносится с оперой Чайковского? Не ремейк получается?

— У нас есть определенные лейтмотивы, позитивные у Чайковского. Как и в американском «Ренте», кстати, есть отсылки к Пуччини. Мы понимаем, конечно, что есть центральные моменты, которые необходимо превратить в арии, как у Чайковского. Как у него есть письмо Татьяны к Онегину — так и у нас. Куда ж без этого.

— А «Куда, куда вы удалились...»? — Ария Ленского есть. Есть и несколько дуэтов, квартетов. Когда человек пойдет на мюзикл «Онегин», он, конечно, обязательно будет думать о Петре Ильиче, сравнивать. И с одной стороны, мы делаем рискованный шаг, осовремениваем Чайковского. Добавляем ритм-секцию, синтезаторы. Но все равно все аранжировки, оркестровки — весь музыкальный контент соответствует эпохе. Общее звучание «старинное». Из эпохи Онегина, Чайковского. А еще будет русский фолк — в сценах деревенской жизни, гаданий. Мы решили, что без этого в русском мюзикле никогда... Пока получается, по-моему, удачно.

— Пушкинский текст у вас остается?

— В центральных ариях он идет практически без изменений. Понятно, что всю поэму уместить в спектакль невозможно. Но основные идеи, темы и сама пушкинская строфа сохранены.

— А визуально как это будет? Традиционно?

— Ну, у нас будет современное оснащение. Трехмерные проекции, причем, что важно, без очков. Сейчас стало модно делать 3D-мюзиклы, на которые надо надевать очки. Это все уничтожает. Актеры где-то терпят, и уже непонятно, что ты пришел посмотреть: трехмерное кино или все-таки театр. У нас рассчитано так, чтобы не мешать, а помочь зрителю воспринимать действие. На первом плане будут, конечно, актеры.

— А вот что касается самого романа Пушкина. Понятно, что в разные эпохи делают акценты на разном. Что, по-вашему, сейчас нам Онегин?

— Любая классика в любое время актуальна. В любом таком произведении раскрываются человеческие отношения вообще. Если примерить на себя онегинских персонажей, понятно, что сейчас уже перестали вызывать людей на дуэли, нравы изменились. Сам темп жизни очень сильно вырос. На то, чтоб Татьяна написала Онегину, чтоб письмо потом доставили, нужно было определенное время. Сейчас все можно было бы решить одной эсэмэской.

Но отношения между людьми, понимание любви, понимание мироздания — остались те же. И сейчас есть такие же, как Татьяна, мечтающие, читающие книги. Может быть, их со временем стало меньше, но они остались. Мне кажется, нам всегда стоит пытаться увидеть себя со стороны и понять, в правильном ли направлении по жизни мы движемся. Вообще, стоит себя сравнить с каждым из героев. Потому что в каждом есть и Онегин, и Ленский, и Татьяна.

— Вы уже сыграли Воланда, вампира... И Онегин ведь тоже демонический персонаж. Вам не привыкать...

— Воланд все-таки не человек, а Онегин — человек. И здесь очень тонкая грань. Как сделать из человека демона, но при этом оставить его человеком?

— По Пушкину, его душой владеют преждевременная усталость, разочарованность, пустота. В нынешнем мире такой тип вам встречался?

— Встречался, пожалуй. Но, по-моему, у нас такие качества сейчас принято скрывать. Наверное, я сам все-таки отличаюсь от Онегина. У меня другой заряд. Я такой, как бы сказать... позитивщик. Онегин — сложный для меня персонаж. Нужно прочувствовать его отношения с женщинами. Решить, как он себя ведет. В конце же он приходит к любви — поздно, но приходит. И на дуэль не хочет выходить. И сцена отказа Татьяне: вот перед ним маленькая девочка, которую он не хочет соблазнить...

— «Очень мило поступил с печальной Таней наш приятель?»

— Не мило, но правильно! Он понимал, что не мог дать ей того, что она хочет. Может быть, это было жестоко, может, он разбил ей сердце — но поступок был абсолютно осознанный и правильный.

— А Пушкин у вас не появляется в мюзикле?

— Нет. Но зато у нас есть определенная тайна. Персонаж, которого не было в тексте у Александра Сергеевича. Но зритель должен прийти и увидеть его сам.

Федор ДУБШАН, фото Натальи ЧАЙКИ

Генеральный спонсор ОАО «РЖД»

РЖД